

Анастасия НИКИТИНА

Анастасия Никитина родилась в 1991 году в Карагандинской области. Окончила Карагандинский государственный технический университет. С 2016 года живет в Твери. Выпускница магистерской программы «Литературное мастерство» ВШЭ. Публиковалась в журналах «Формаслов» и «Пашина».

ЖМУРКИ

Рассказ

Ярко светит солнце, я щурюсь, глаза слезятся. Я долго смотрю на канат, примеряюсь. Он свисает с турника. Его растрепанный кончик похож на хвост дедушкиного коня. Чтобы дотянуться до него, мне нужно встать на верхнюю перекладину-ступеньку, и когда я окажусь перед лазом в форме ракеты, важно удержать равновесие и притянуть к себе кончик, схватить его обеими руками и оттолкнуться от ступеньки. Я пролечу всего лишь полтора метра туда и столько же обратно. Детские радости тягучи и эластичны, как «Turbo»¹, потому что три метра кажутся километром. Вся эта конструкция сделана из серого металла. Местами он проржавел, зато крепче сцепляется с моими влажными ладонями. Канат – единственное, что податливо и подвижно среди стальных негнущихся перекладин. А я – единственная живая душа на детской площадке. Во дворе двадцать первого дома качелей больше, есть даже диванчик, чтобы качаться вдвоем или втроем. Но в тот двор одной идти не хочется. Мы только переехали, и я еще ни с кем не успела познакомиться.

Здесь царство воды. Шульбинск стоит на самой крупной в стране ГЭС. Сначала появилась она, потом поселок. Как будто Иртыш отвлекся во время игры в асыки² и случайно уронил кости на ближайшую возвышенность. Из упавших в песок костей выросли бетонные жилые ящики с окнами и этажами. Чтобы расширить русло, гидростроители принесли в жертву реке маленькую деревню – дар, чтобы ГЭС качала воду, бурлила, гудела, жила и пугала.

Я отпускаю канат и приземляюсь на песок, разметаю его сандалиями. Я не встаю, сижу на корточках и снова не могу отвести глаз от гальки. Я привыкла видеть ее только в воде или рядом с водой. В Шульбинске она была повсюду: на детских площадках, пыльной дороге, у крылец магазинов, в огородах. От маленькой, размером с арахис, до крупной, еле помещающейся в ладонь. Я сочувствовала живущим здесь людям, ведь они понятия не имели, что их камни – ошибка, что правильные уличные камни как раз-таки неправильной формы; острые, куски сплошной тяжелой массы, такие не пульнешь «лягушкой» по воде. Я поднимаю с земли плоский серый камень с черными вкраплениями, сдуваю с него песок и глажу. Горячий камень обжигает мне руки.

В поселке всего две улицы: Гидростроителей и Центральная. Они обступают поселок с двух сторон, окружают его, как забор, не выпускают никого из его бетонного заточения, где на завтрак, обед и ужин подают гальку, а вместо чая и компота – песок в стакане. Внутри поселка улиц нет: все дома носят просто номера. Мы живем в четырнадцатом, в третьем подъезде, на четвертом этаже, в квартире сорок один. Мама захотела быть ближе к бабе с дедом, и из Караганды мы переехали сюда.

¹ Популярная в девяностых жвачка.

² Национальная казахская игра, в которой используются вываренные кости мелкого рогатого скота, чаще овцы.

– Не видела тебя раньше, – произносят подошедшие грязные ноги в шлепках с тремя белыми ремешками. Я поднимаю голову и вижу короткостриженую девочку в майке и шортах. От нее пахнет луком, в левом глазу засела козявка.

Когда ты ребенок, заводить новых друзей легче. Дети всегда знают, что им друг от друга нужно. Им нужен соратник по играм, напарник по поиску приключений. Кто-то, с кем можно будет ходить во двор двадцать первого дома качаться на диванчике.

Ее зовут Яна. Она живет в том же доме, что и я, только во втором подъезде. Мы идем во двор двадцать первого дома.

– Зимой тут еще каток заливают, – говорит она. Нам повезло – диванчик не занят. Мы кричим от восторга, когда отрываемся от земли и взмываем ввысь. На обратном пути мы немного отрываемся от сиденья и, представляя себя космонавтами, чувствуем, как кишки подступают к горлу.

Внезапно она спрыгивает с диванчика и говорит:

– Мне пора. Хочешь со мной?

– Куда?

– Мама велела нарвать лук на фазенде.

– Где?

Недавно по «ОРТ» крутили «Рабыню Изауру», и мама рассказывала, что так говорят где-то в Бразилии, точно не у нас. Яна объясняет, что фазендой местные называют участок с домиком и огородом. Фазенд тут много, и все они находятся за пятнадцатым домом, через улицу Центральную.

Я захожу за ней во двор, ожидая увидеть огромный двухэтажный особняк с колоннами и бордовой крышей, в окнах которого мелькают силуэты слуг в белых чепчиках. Все оказывается не так. В грязных окнах маленького покрашенного известью домика, похожего на халабуду, никого не видно. Кажется, в него ни разу не входили – для тяпок и граблей во дворе есть навес и полусгнившая сарайка, а собранные в огороде овощи, ягоды и фрукты сразу относят домой. От нашего двора до фазенды идти пять-семь минут. Я не вижу смысла в этом домике, и мне его жалко. Думаю, он тоже чувствует свою ненужность.

Вдруг Яна говорит:

– Все, что ты видишь, на самом деле ненастоящее.

Пока она рвет лук, я перебираю в ладони черноплодку, высматриваю муравьев и клопов. Я сказала, что хочу угостить маму, и Яна разрешила сорвать гроздь.

– Как это? – не понимаю я и продолжаю счищать с черно-синих матовых ягод пыль и паутину.

– А так! Мир на самом деле другой, и вокруг тебя другие вещи.

– Тебе откуда знать? – я прикрываю ладонью глаза и смотрю на нее, как на канат.

– А я могу видеть настоящее.

– Докажи!

Она хмыкает, смотрит по сторонам, показывает куда-то пальцем и спрашивает:

– Что ты тут видишь?

– Дорогу, дома, деревья, тетеньку с пакетом... – послушно отвечаю я, проследив за ее пальцем.

– А вот и нет, нет там этого!

– А что же там?

– Эээ... обрыв, водопад и... жирафы!

Я так потрясена, что не замечаю, как муравей переползает с ягодки на мою руку. Она смахивает его и смеется.

– А где ты научилась?

– Нигде. Просто умею, и все.

– Я тоже хочу увидеть жирафов! – я злюсь и сжимаю только один кулак, в другом – ягоды.

– Не-а, не получится.

– Почему?

– Ну... это дар. Не всем дано, – разводит она руками. И тут же улыбается и добавляет:

– Но я могу научить тебя всякому волшебству, если хочешь.

Сладковато-резкий дух свежесорванного зеленого лука в ее руке слегка щиплет мне глаза. Мне не нравится ее улыбка, но это не имеет значения, ведь она может видеть жирафов. И, наверное, еще других удивительных зверей – слонов или носорогов. Я за свою жизнь видела только коров, свиней, кур да коней, даже в зоопарке никогда не была. А ей вон как повезло.

Когда мы расходимся по домам, она говорит:

– Ты только взрослым ничего не рассказывай. Даже моя мама не знает.

– Честное-пречестное!

Утром мы с мамой идем на рынок. В сентябре я пойду в первый класс, и мама закупает мне ручки, прописи, карандаши, стерки, линейки, носки, колготки, туфли. Однажды папа сказал, что мама обыграет любого шахматиста: она планирует жизнь более чем на сорок ходов вперед. По диагонали, на одну клетку, буквой Г мама двигает по черно-белой доске жизни фигурки меня, папы, бабы и деда, сестер, моих двоюродных братьев, соседей, продавцов, парикмахера, друзей, иногда через кого-то перепрыгивая, но никогда никого не задевая.

Рынок стоит на пересечении Гидростроителей и Центральной, рядом с автостанцией. Мы проходим мимо маршруток и такси. Водители, сбившиеся в галдящие кучки, завидев нас мигом прерывают беседу и наперебой кричат своими громкими прокуренными голосами: «Семей едем!», «Георгиевка едем!» «Уськаман³ едем!», «Баженово едем!». Баженово – родная деревня мамы, у подножия Шульбинска. Обычно мы ходим туда пешком по широкой асфальтированной дороге, пересекая Гидростроителей. В деревню есть два пути: через гаражи и через заброшенный бетонный завод. Мне страшно ходить и там, и там. В первом случае асфальт кончается у самого склона, и дальше приходится идти по безлюдной проселочной дороге вдоль низких пушистых кустов, которые выглядят так, словно только что вышли из парикмахерской после «химии». Во втором случае приходится пересекать территорию молчаливого завода, под замершей лентой конвейера обходя заброшенные цистерны, резервуары, насосные станции, груды щебня и разные серые здания, предназначения которых я не знаю. Зато я точно знаю, что там внутри когда-то работали люди, а на их полированных деревянных столах лежали стопки бумаг и чертежи.

Я люблю ходить на рынок и рассматривать женскую одежду. Костюмы, платья, юбки, блузки крой к крою висят на вертикальных, под потолок, вешалках, прикрывая друг друга, как чешуя на рыбе. Я мечтаю поскорее вырасти и носить их. Каждый раз, оказываясь у прилавка, я разглядываю отяжелявшие от одежды вешалки и даю себе обещание: «этойкуплюэтойкуплюэтойкуплюэтойкуплю».

Мне не терпится увидеться с Яной. Я рассказываю о ней маме, радостно сообщаю, что она наша соседка. Мама внимательно слушает, в руках у нее сумки, по лицу течет пот. Мы останавливаемся, чтобы купить мороженое у дяди Толегена. К его холодильнику скотчем приклеен лист бумаги, на котором от руки написано «Мороженое» и «Балмұздак»⁴. Он добрый, в любую погоду носит теплую восьмиклинку, а на его всегда гладко выбритом лице под кожей просвечиваются черные точки. Я представляю, как острым блестящим лезвием дядя Толеген каждое утро скашивает с щедрой *земли лица* волосы, которым все-таки удалось за ночь оказаться на свободе. Он подает мне вафельный рожок и говорит: «На, бери, кызым⁵». Все знают, что у него самое вкусное мороженое.

Мне не терпится научиться волшебству. Я громко стучу в дверь. Хотела даже ногой, но передумала портить сандалии. Дух захватывает от того, что меня решили посвятить в

³ Разговорное название Усть-Каменогорска.

⁴ Мороженое (каз.)

⁵ Моя девочка, доченька (каз.)

тайное знание. Сердце бьется, как мячик об стену. Яна наконец открывает дверь. Из квартиры в нос ударяет кисловато-резкий запах. Позади Яны я слышу голос. Так разговаривают люди, которые подходят к прохожим и заплетающимся языком просят добавить десять тенге.

– Ты что так громко стучишь, дура? Папку разбудила, – она оглядывается в квартиру и снова поворачивается ко мне. – Чего тебе?

Мне становится стыдно, что я ее подвожу, но я все же говорю:

– Ты вчера обещала, что научишь меня, помнишь?

– Помню-помню. Жди на улице, щас выйду.

Я жду ее долго и успеваю покататься на всех немногочисленных каруселях. Дети во дворе играют в стрелялки: один мальчик, попав в засаду и оставшись без палки, отстреливается пальцем. Они предлагают мне присоединиться, им не хватает игрока. Я очень хочу, но отказываюсь, боюсь, что Яна выйдет из подъезда, увидит меня в компании других детей и обидится. На лавочке у песочницы-грибочка я замечаю дядю Толегена с холодильником. Он тяжело дышит, вытирает пот со лба своей восьмиклинкой. К холодильнику подходят женщина с маленьким мальчиком. Мальчик тыкает пальцем в стекло, дядя Толеген возвращает восьмиклинку на макушку, встает и расплывается в улыбке.

– Вот это хочешь? Из самого сладкого молочка, вам за двадцать пять тенге отдам.

Он отодвигает стеклянную витрину, достает желанный рожок и вручает счастливому мальчику. Женщина высыпает ему в руки монеты, которые дядя Толеген аккуратно перекладывает в нагрудный карман.

Наконец выходит Яна. Я не решаюсь сказать ей, что устала ждать, и поэтому помалкиваю.

– Пошли туда, где нас никто не увидит, – велит она.

Мы забираемся в самые дальние кусты на территории школы, в чей двор в сентябре я войду с бантами и букетом астр с бабушкиного сада.

– Давай сначала придумаем тебе защиту, – деловито говорит она, усаживаясь по-турецки.

– Защиту? Зачем? – я опускаюсь на колени напротив нее.

– Знаешь, сколько на свете опасностей? Хотя откуда тебе знать, тебя мамка за ручку всюду водит, а моей некогда, она на работе с утра до ночи.

Я вспоминаю, что у Яны дома папа. Наверное, у них так устроено: мама на работе, папа на хозяйстве. Ему, скорей всего, тяжело одновременно и обед готовить, и за дочкой смотреть. На ум приходит мультик о маме-обезьянке и ее пятерых детёнышах. От этой мысли становится весело. Какая же у Яны интересная жизнь! Сама она видит жирафов, живет с родителями-бунтарями, не согласными жить по правилам, а еще владеет волшебством, которому сейчас и меня научит!

– Смешно тебе? – Янин взгляд суровеет, она приподнимается с земли.

Я пугаюсь и прогоняю улыбку с лица. Только бы не уходила! Я серьезно киваю и спрашиваю:

– А у тебя какая защита?

За те десять секунд, что она сверлит меня большими карими глазами, решая, простить мою оплошность или уйти, мое сердце подскакивает к горлу. Наконец она снова опускается на землю.

– Клянись, что никому не скажешь!

Я клянусь и показываю растопыренные пальцы на предмет отсутствия крестиков. Она оценивает этот жест и продолжает:

– Если происходит что-то плохое, я крепко-крепко зажмуриваюсь. Или если чувствую, что что-то плохое вот-вот наступит, – и она зажмуривается так сильно, что кожа по обеим сторонам от носа собирается в складки, как на бабушкином лице.

По моей коже бегут мурашки.

– И что, помогает?

– А как же!

Я задумываюсь. Чего бы и мне такого придумать? Как-то деда рассказывал, что однажды спугнул конокрадов, выстрелив в воздух из охотничьего ружья. Но у меня нет ружья. В голове всплывает мальчик, сделавший пистолет из большого и указательного пальцев.

– Я буду стрелять! – заявляю я и показываю пальцами пистолет.

Яна очень радуется и хлопает ладонями по коленям. Весь день она меня тренирует: неожиданно пинает камень, резко оборачивается или подпрыгивает ко мне, а я достаю свой «пистолет» и защищаюсь.

Я узнаю от нее, что нельзя наступать другим на ногу, а то мать умрет. Нужно сразу же подставить свою ногу, чтобы на нее наступили в ответ. Нельзя проходить через столб, похожий на букву «Л», иначе случится горе. Когда с другом обходишь дерево или столб по разные стороны, нужно потом сказать: «Привет на сто лет», иначе ссоры не миновать. Чтобы не укусила назойливая оса, нужно быстро-быстро много раз повторять «соль-вода, соль-вода», и тогда она улетит.

Мы возвращаемся во двор, уставшие от упражнений и плотной, как глина, жары. Возле второго подъезда собрались соседи. Я замечаю милицейский уазик. У открытой задней двери с зарешеченным окошком курит милиционер. Ему наверняка очень жарко в рубашке и фуражке. Вдруг Яна срывается, расталкивает толпу и исчезает в разинutom рту своего подъезда. Рядом с курящим милиционером, прижимая к груди восьмиклинку, стоит встревоженный дядя Толеген. Я наступаю на что-то мягкое и испуганно отпрыгиваю в сторону. На раскаленном тротуаре валяются расплавленные на жаре рожки с мороженым, перетоптанные ногами собравшихся соседей. Тонкие белые струйки молока растекаются по асфальту, заполняя трещины; вафельные крошки цепляются к подошвам. Я считаю, сколько рожков лежит на тротуаре, иду по нему аккуратно, пытаюсь не наступить на мороженое. Двое мужчин расступаются передо мной, и я вижу опрокинутый холодильник. Крышка разбилась, стеклянные крошки смешались с вафельными. Вокруг снуют дети, пытаются насобирать еще не успевшее растаять мороженое, опасливо озираясь на дядю Толегена. Среди громких возгласов я узнаю маму и иду на ее голос. У нее в руках пакет, и я надеюсь, что там шоколадная монетка или «Инвайт».

– Заявление писать будете? – обращается милиционер к дяде Толегену. – Деньги вернем, ага⁶, не переживайте.

– Может, скорую? – спрашивает у дяди Толегена темноволосая худая девушка, аккуратно дотронувшись до его локтя. Из подъезда слышатся голоса и шаги, я отвожу взгляд от уазика и вижу, как двое других милиционеров ведут мужчину в наручниках. За ними, обливаясь слезами и прикрывая рот, выбегает лохматая женщина в синем фартуке, из карманов которого торчат ножницы и маленькая расческа. Мужчина одет в майку и шорты. Хорошо, что ему не так жарко, как милиционерам! Тут же мне становится стыдно. Нечего жалеть преступника! Я высоко поднимаю голову и презрительным взглядом провожаю его, пока он не исчезает в уазике и за ним не захлопывается железная дверь. Бежавшую за ним женщину не пускают в машину. Ее фартук съехал набок, ножницы и расческа зацепились друг за друга. Закрыв лицо руками, она опускается на лавочку. Краем глаза я замечаю шевеление в окне первого этажа и сквозь пыльное стекло вижу Яну. Сцепив вместе дрожащие ладошки, она крепко зажмуривается. Кто-то из толпы кричит: «Болды, болды!»⁷ Мама берет меня за руку и уводит домой.

Я смотрю на поселок с нашего балкона и аккуратно разворачиваю шоколадную монетку. Справа могучий Иртыш разделяется плотиной. С одной стороны ГЭС он выше, чем с другой. Когда у папы выходные, мы пересекаем Иртыш по мосту и идем в сосновый бор за грибами, а потом купаемся на пляже. Мне видно весь поселок почти до рынка. Все

⁶ Ага – вежливое обращение к старшему по возрасту мужчине (каз.)

⁷ Ну все, хватит! (каз.)

дома в Шульбинске одинаковые: обычные бетонные пятиэтажки. Кроме шестого дома, на котором на весь торец из красных кирпичей выложена огромная цифра «70». Мама рассказывала, что ГЭС начали строить, когда она заканчивала школу. Шульбинску точно нет семидесяти лет. Семьдесят лет может быть Москве или Парижу. Я точно знаю, что сейчас 1997 год, потому что через месяц мне шесть лет и я пойду в первый класс. Я расстраиваюсь оттого, что строители ошиблись и их наверняка ругали. Может, они даже остались без полочки.

Золотая фольга никогда не прилипает и покорно отделяется от шоколада. Я засовываю всю монету в рот, бросаю фольгу с балкона и, ломая твердый шоколад нёбом и зубами, наблюдаю, как заходящее солнце играет бликами на золоте обертки.